Гонимая Церковь Богородска (Хабаровский край) - Михаил Иванович Хорев

И Слово Господне там распространялось. Далеко на севере. Железной дороге там сейчас нет. Или самолетом маленьким или пароходом, можно и зимой на машине. Ну тогда по реке, по зимнику, по льду ехать надо.
Где-то около тридцать пятого или тридцать шестого года, в дом пресвитера в час ночи приехал воронок. Воронок - это машина, которая возит заключенных. В час ночи стучатся в дверь пресвитера. Жена открывает.
- Здесь живет...? - и называет по имени ее мужа.
- Да, здесь.
- Мы к нему!
- А он спит.
- Разбудите!
Она пошла будить и они идут за ней. А он уже спал, уже второй час ночи. Он проснулся и сразу понял в чем дело.
- Мы за вами, вставайте!
А у него было пятеро детей. Он встает. Ясно, что он арестован. Он хочет одеться, ну в нижнем же белье он.
- Нет, нет! Не надо! Это все лишнее, проходите!
В нижнем белье, босиком, посадили в машину. Жена хотела накинуть пальто...
- Оставляйте, ему не пригодится!
И увезли. В эту ночь воронки объехали все улицы, и забрали таким же образом, не только служителей, нет, но и всех активных членов церкви. А знаете, кто активный? Кого называют активным? Всех хористов, я уж не говорю регентов, само собой. Всех хористов, ну и всех, которые регулярно не пропускают ни одного собрания. Редко кого оставили. Ну и оставили некоторых матерей, у кого маленькие дети. Забрали всех. Погрузили в баржу, в трюм, а на утро эту баржу оттащили буксиром на глубину и утопили. Всё.
В Москву пишут донесение: "С Церковью покончено! Никаких богослужений больше нет в Богородске. Никакого хора, кафедра пустая."
Нет, молитвенного дома не закрывали, хотите - проходите. Там некого слушать, если только лишь просматривать молитвенный дом как памятник. Прийти и что-то вспомнить, а больше ни одного пения там не было, ни одной молитвы больше не было. Вот так бедная, бросаемая бурею, безутешная.
Я был в том доме, где забрали брата. Пятеро детей осталось, я видел ту старушечку, которая проводила в нижнем белье. Она проводила до машины его, вернее только до калитки, ей не разрешили из калитки выходить.
Она вспоминала - это были года ее молодости, а тогда я с бабушкой разговаривал, она уже была старенькой, но была в памяти, была хорошим восприятием воспоминаний.
Дети никогда не посещали богослужения с тридцатых годов. Они разъехались кто куда. Из двухсот человек никого не осталось, осталось в Богородске жить только лишь вот эта семья, и никого больше.
Кому не по климату, кто поехал к родственникам, в общем кто куда разъехались, а эта семья осталась, пятеро детей осталось.
Однажды наш брат узник, отбыв пять лет в лагере, еще пять лет ссылки имел, его привезли в этот Богородск и он ходил по Богородску и спрашивал: "Нет ли здесь верующих где-нибудь?" Пожимали плечами: "Мы о таких не слышали".
И вот одна бабушка говорит: "Ой-ой-ой, вот там, только я не знаю точно была верующая, какая она сейчас я не знаю. Вон там под зеленой крышей дом стоит".
И брат пришел к этому дому и говорит: "Здесь верующие живут?" И она заплакала и говорит: "Я сорок лет ждала тебя, голубчик." И вместе преклонили колени и помолились Богу. Она дождалась, чтобы с кем-нибудь помолиться Богу.
Дети в это время уже разошлись, они все взрослые. Никто не обращен к Господу. Я не знаю судьбу четырех. А вот младший, Николай, он тоже вступил в коммунистическую партию, партийный. Женился на мирской. Понятно других-то не было. Кое-когда невестка заходила в родительский дом мужа. Кое-когда бабушка рассказывала своей невестке что-нибудь о Боге. Однажды близко к сердцу восприняла беседу очередную невестка и говорит мужу: "Нам пора бы вместе поискать Бога, которому служил твой папа". А он, Николай, сын этой бабушки, обратился в партийные органы и говорит: "Мне кажется, моя жена уже увлекается Богом. Пошлите меня в какую-нибудь командировку подальше, чтобы отвлечь жену" И его послали на самый дальний север. Дали хорошую должность, жене тоже дали должность там главного бухгалтера. Словом, новая командировка. Муж спас свою жену от влияния религиозного. А в это село прислали знаете

кого? Германюк Степана Григорьевича тоже на ссылку. И Степан Григорьевич приходит, а он сам по специальности бухгалтер, он пять лет отбыл и теперь на пять лет ссылки, или на четыре, не знаю точно. Находит бухгалтерию и говорит: "Здравствуйте, я ссыльный. На столько-то лет я приехал сюда на ссылку. По специальности я бухгалтер. Срок отбываю как служитель Божий. Священнослужитель. Нет ли у вас какой-нибудь работы в бухгалтерии?"
Но как только лишь жена Николая услышала, оставляет все дела, бежит к мужу и говорит: "Коленька! Бог нас догнал! Прислали человека верующего, как твой папа".
Но я подробности рассказывать не буду, скажу только лишь, что Степану Григорьевичу дали дом там, он жил на самом берегу Северного океана, Ледовитого. И Николай, и его жена обратились к Господу. И в этом океане, он им крещение преподал. И поехали они как христиане, члены церкви в свой дом к бабушке, то есть к своей старенькой маме. Господь их нашел. Да, для этого непростые пути, особые пути, пути неисследимые, не всегда объяснимые и непонятные человеку. И все это покажет ангел Господень. Иоанну показывал: "Я покажу тебе невесту..."
Сколько Ей надлежало претерпеть? Бедная, бросаемая бурею, безутешная. В последствии, брат Николай, нес служение в этой Церкви. Сейчас он, кстати, отошел уже вечность, но Церковь там есть. Я в прошлом году знаю, что ее посетили, эту Церковь. И есть там браточек один, молодой переселенец. Словом, Церковь живет. Бабушке уже этой нет, у которой я был в семидесятых годах, она уже отошла в вечность, это понятно, она и тогда была старенькая. Но Церковь живет, если я скажу за Церковь, что она бедная и бросаемые бурею, безутешная - это одна сторона Церкви, но знаете еще, что можно сказать за Церковь? Грозная, как полки со знаменами, которые победить невозможно. Нет никаких сил в мире, чтоб эту Церковь победить. Такого не дано.

Комментарии
